

Я.С. Друскин и В.Б. Вургафтик

Я.С. Друскин говорил: «Нас было пятеро». Речь идет о так называемых чинарях, которых не следует путать с обэриутами. Это Олейников, Введенский, Хармс и Друскин. Их соединяли интеллектуальная любовь и стремление к духовной свободе. Друг друга они понимали с полупамятки, но в работах Я.С. лучше всех разобрался Л.С. Липавский, который сам был философом. Не знаю, как относился Липавский к стихам Олейникова, но Хармса он ценил чрезвычайно высоко, а о прозе Введенского высказывал убеждение, что именно такой будет проза будущего. И все-таки однажды он обронил заслуживающие внимания слова: «Через 100 лет о нас никто не вспомнит, только Друскина будут читать». Это не дословно, но смысл такой.

Яков Семенович, разумеется, чувствовал, какое глубокое понимание находит его творчество у Липавского. Очень показательна запись в его послевоенном дневнике, которую он сделал рано утром, просидев ночь над рассуждением, которое, как он считал, удалось ему. Дело было летом, окно было открыто, вспомнил другое летнее утро и подумал: «Всё как тогда. Но Лёня не придёт, и я не смогу показать ему, что я сегодня написал». Эти слова я также воспроизвожу неточно, по памяти.

Чинари погибли один за другим, Я.С. остался в одиночестве и всю долгую жизнь писал в стол. Однако некоторые его работы еще при жизни Я.С. стали известны узкому кругу людей, а музыковедческие даже печатались. Среди тех людей, которые его читали, было несколько, на кого Я.С. – и личным общением и своим творчеством оказал сильное духовное воздействие. В частности, Блажков, письменно поздравляя Я.С. с днем рождения, назвал его своим учителем, имея в виду, конечно, и музыку, но прежде всего духовное водительство. В ответ Игорь Иванович получил, можно сказать, форменную отповедь, суть которой сводилась к тому, что никому нельзя присваивать значение учителя – Учитель у нас один. (Замечу, кстати, что Я.С. никогда не называл себя богословом, но только философом).

Философы его работ не читали, и В.Б. Вургафтик оказался первым и последним при жизни Я.С. его учеником. (Согласно логике Я.С., хотя никто не имеет права усваивать себе значение учителя, всякий может иметь учеников).

Однако литературовед Мейлах, дирижер Блажков, композитор Сильвестров и поэт Вакуленко испытывали не только интерес к его идеям, но были глубоко затронуты его личностью. Уже после смерти Я.С. Михаил Борисович Мейлах, находясь в концлагере, просил передать Михаилу Семеновичу Друскину: «Лицо его брата всегда передо мной».

Таким образом, считать, что Я.С. находился в полном интеллектуальном вакууме, все же несправедливо: он общался с учеными, художниками, литераторами и музыкантами, и среди них были и верующие. Но полноценного понимания он не находил, разве что в отдельных пунктах. Например, художник Стерлигов, который сам научил Я.С. разбираться в живописи и впоследствии весьма ценил его мнение о своем творчестве, к работам самого Я.С. отнесся с полным равнодушием. Т.Н. Глебова, также художница и также ценившая суждение Я.С. о живописи, хотя и относилась к нему с глубоким уважением и симпатией, только после смерти Я.С. склонилась на уговоры Виктора Борисовича прочитать «Видение невидения» – и нашла в нем много созвучного себе.

Что же касается самого Виктора Борисовича Вургафтника, то уже при самом первом, можно сказать, поверхностном знакомстве с работами Я.С., он испытал потрясение. Как только представилась возможность, он послал в Ленинград что-то свое, и в ответном письме Я.С. выразил желание познакомиться. Эта встреча произошла приблизительно за 8 лет до смерти Я.С. и послужила началом запоздалому, но плодотворному ученичеству В.Б. Интеллектуальная любовь явила себя в полной мере, но были, конечно, и бытовые контакты: поиски врачей, покупка лекарств и продуктов, помощь в переезде на дачу. Наконец во время тяжелой болезни Якова Семеновича Виктор Борисович две или три ночи дежурил у его постели. Они очень полюбили друг друга, объединяла же их любовь к Христу. Всё прочее отступало на второй план или даже на десятый. А вообще и в жизни и в творчестве у них оказалось много общего, созвучного, но давали знать о себе и несогласия.

Я.С., начав образование в дореволюционной гимназии, рос и формировался в среде образованных людей. Впоследствии он говорил о себе, что умеет в навозной куче находить жемчужные зерна, т.е. он умел читать, обладал способностью разглядеть в произведении то, о чем сам автор, возможно, и не подозревал. Наверное, поэтому, хотя первые работы В.Б. сами по себе его не заинтересовали, он угадал в нем что-то родное себе. Личная встреча поставила точку над і.

Я.С. был мудрый человек, он разбирался в людях и, по его собственному свидетельству, чувствовал сокровенного сердца человека собеседника. Последнее обстоятельство особенно любопытно, если иметь в виду его признание: «Я не соборен, это мой грех». При внешней несоборности Я.С. был открыт тому, с кем он общался, но все же настоящий диалог происходил редко: как ни странно, именно в тех случаях, когда речь заходила о духовных вопросах, Я.С. «начинал говорить как магнитофон» – так определял он свое участие в беседе, потому что цитировал самого себя, повторяя термины и выражения, которые искал – без преувеличения – годами.

В.Б., напротив, если находил слушателя, можно сказать, расцветал. Он говорил свободнее, чем писал и, будучи преподавателем по натуре, обладал даром о сложных вещах говорить простым языком. Но круг общения сужался, и за неимением слушателей он сочинял проповеди.

Я.С., можно сказать, всю жизнь учился. Греческий и латынь, французский и английский языки он знал не очень хорошо, зато досконально изучил немецкий – специально, чтобы читать Канта в подлиннике. Впоследствии по-немецки он прочел Лютера, Кьеркегора и некоторых католических авторов, к которым получил доступ уже после войны, потому, в частности, они не оказали на него серьезного влияния. Только о Канте он говорил, что хотел бы встретиться с ним в Царстве Небесном и побеседовать обстоятельно, не торопясь.

Главные пункты своего мировоззрения Я.С. сформировал самостоятельно и даже к Христу обратился не через живого человека, но слушая и анализируя Баха и вникая в Евангелие.

В.Б. в значительной мере можно считать самоучкой, притом что конус его жизни – как определял это Я.С. – начал сужаться еще в молодости. Я.С., напротив, несмотря на то, что его личный конус после войны стремительно сужался, оставался человеком увлекающимся, и часто упрекал себя за чтение книг, без которых удобно мог обойтись. Ему была глубоко симпатична своеобразная узость В.Б., который никогда не бросался на то, чем все вокруг были увлечены, о чем спорили, на что ходили смотреть. В молодости В.Б. чрезвычайно высоко ставил науку и был убежден в том, что Бог – это человек будущего, вооруженный всей полнотой знаний. Он размышлял об озарениях, которые испытывает ученый, переходя от одной интуиции к другой и выстраивая все новые и новые картины мира. Виктор Борисович называл их уровнями культуры. Круг его общения, однако, составляли люди искусства, которые мало интересовались его духовными поисками. Сергей Юрьевич Вакуленко был среди них единственным исключением.

Между тем, В.Б. искал то же, что искали в те годы многие мыслящие люди и, не отстраняясь от физики, к которой его неудержимо тянуло, параллельно штудировал труды по философии, конструировал собственные системы, выстраивал свои картины мира.

Виктор Борисович продолжал эти занятия и после того, как в руки ему попала Библия. Одну из своих философских работ, в которой он представил очередную физическую картину мира, В.Б. разослал нескольким известным ученым. Откликнулся только академик Наан, который по-дружески посоветовал ему заняться чем-нибудь другим.

Вскоре после того В.Б. познакомился с работами Я.С., вследствие чего окончательно угас интерес к Гегелю, а вскоре на второй план отступила и физика.

Я.С. произвел на В.Б. ошеломляющее действие еще и потому, что с нужными книгами в те годы было туго. Библию ему удалось добыть только на славянском языке, через который В.Б. не всегда мог продраться. О Кьеркегоре, Бердяеве, Флоренском, Соловьеве и т.д. в его ближайшем окружении не слыхивали.

В.Б. знал только английский язык, но не настолько, чтобы читать на нем философскую и богословскую литературу. О некоторых догматах он впервые узнал от Я.С., до чего-то додумывался своим умом. (В свое время и Я.С. самостоятельно открыл халкидонский догмат, а затем уже прочитал о нем).

Переехав в Ленинград, В.Б. через Я.С. познакомился с Сергеем Анатольевичем Грибом, который, горя миссионерским духом, не только подарил Виктору Борисовичу Библию на русском языке, но и снабжал его самиздатовскими новинками тех лет.

Ветхий Завет, кроме отдельных мест, не слишком интересовал В.Б., в отличие от Я.С., который чрезвычайно высоко ценил псалмы и многих пророков. Не отрекшаяся от Платона и своей любимой Дхаммапады, В.Б. почти наизусть выучил Евангелие. Из апостолов он, вполне разделяя позиции Я.С., больше всего выделял Послание к Римлянам и к Галатам. Но и с Павлом у него были некоторые разногласия.

«Алогичный логос» – это определение Якова Семеновича пришлось по сердцу Виктору Борисовичу и он вслед за Я.С. отыскивал в Евангелии места, противоречащие друг другу. Оба они писали логические трактаты и придавали значение точной терминологии, оба, соответственно, не выносили публицистику и стремились к формуле.

Долгое время В.Б. испытывал равнодушие к Церкви, но его интересовало общество, которое он рассматривал как поле действия дьявола. Взгляд Я.С. на мир он вполне разделял и вслед за ним повторял, что мир и Христос несовместны и что Церковь недопустимо обмирщена.

Уже после смерти Якова Семеновича Виктор Борисович посвятил Церкви много работ и размышлял о ней как о мистической реальности, о действии в ней Святого Духа, о роли храма, о принципе дополнительности между свободой и соборностью.

Когда Я.С. повторял: «Нас было пятеро», – он обычно добавлял: «Мы хотели быть свободными».

В.Б. также имел вкус к свободе, но здесь возникали некоторые сложности в связи с его интересом к соборности. Но и сам Я.С. недвусмысленно давал понять, что свобода отодвигается, как только появляется другой человек. Что же говорить о Церкви? Я.С. о Церкви никогда не забывал, себя ей не противопоставлял, в частности, как бы внушал при случае: «Я не отрицаю таинств». Тут можно вспомнить, что однажды в разговоре о причастии Я.С. дал понять, что свято верит словам Христа и потому даже на хлебопреломление, совершаемое согласно принципам новых христиан исключительно в воспоминание, он смотрит как на истинные тело и кровь Христовы.

В.Б. вслед за Я.С. никогда себя Церкви не противопоставлял, к догматам относился свободно. Выражая недоумение по поводу крещения детей или больных в невменяемом состоянии, он также ничего не отрицал, а к причастию относился сходным с Я.С. образом.

У них были разногласия по поводу *filioque*. Я.С. возмущался это вставкой, а В.Б., сперва разделявший его точку зрения, в конце жизни принял *filioque*.

Я.С. писал: «Возможно потому, что я еврей, во мне есть некоторый зилотизм». Возможно потому, что В.Б. был евреем, у него был сильно развит страх Божий, может быть, еще усилившийся благодаря общению с Я.С., который был весьма благочестив, чувствителен к храму, не выносил легкомыслия в вопросах веры и религии, благоговел перед святыней.

Оба они глубоко чувствовали силу греха – прежде всего в самих себе, вообще страшную силу греховности, пропасть между Богом и человеком, которую перекрыл Христос.

Я.С. писал: «Я верю, что моя любовь к Христу сожжет предназначенный мне адский огонь», – и он же повторял: «Я смерти не боюсь, я боюсь Суда».

В.Б., особенно в последние годы, можно сказать, исповедовал, что Христос любит его независимо от его поступков, а смысл добрых дел в том, чтобы доставить Ему радость, на спасение же они нисколько не влияют.

Очень важным ему представлялось состояние, которое он называл радостью страдания, и он глубоко верил, что земные муки расцветают в Царстве Небесном как слава и блаженство.

Я.С. и В.Б. оба делали большой акцент на различии между силой воли и силой духа. Оба отвергали формулу «душа по природе христианка», но Я.С. писал, что душа человека скорее безбожница, а В.Б. находил в душе первобытное язычество. Исповедуя всемогущество Божие, В.Б. охотно повторял вслед за Я.С. изречение Кальвина «Разбойник убил человека: убил Бог, виноват разбойник».

Оба они были равнодушны к авторитетам, оба отвергали синергизм и нетварные энергии. И вообще ревниво относились к тому, что по их понятиям умаляло славу Христову.

После смерти Якова Семеновича Друскина Виктор Борисович Вургафтик, можно сказать, ушел в полузатвор, который неуклонно ожесточался.

Я.С., пережив самых близких ему по духу людей, хотя и находился в изоляции, общался с некоторыми художниками, литераторами, музыкантами и учеными. Но у В.Б. не было никого.